

18+

МАРИЯ ДАВЫДЕНКО

**ДАЙ МНЕ
ШАНС ВСЁ
ИСПОРТИТЬ**

РОМАН

Мария Давыденко
Дай мне шанс всё
испортить. Роман

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51558179
ISBN 9785449835611*

Аннотация

Платон Афонин – известный писатель, который в самом начале XXIII века, как и большинство других провинциальных жителей, живёт на подводной лодке. Его родина, Ильёвка, становится одним из самых безопасных мест на планете. Большую часть суток он проводит в приложении «Имитация», беседуя с голограммой своего покойного друга, который это приложение создал, а также с покойной матерью, покойной бывшей девушкой и даже покойным псом. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Мария Давыденко	5
I	6
II	44
Конец ознакомительного фрагмента.	63

**Дай мне шанс
всё испортить
Роман**

Мария Давыденко

© Мария Давыденко, 2020

ISBN 978-5-4498-3561-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мария Давыденко
роман

Дай мне шанс всё испортить

I

«Как пережить неудачный день? Лучше скажите, как пережить неудачную жизнь? Как убить время? Можно устроить очередной сериальный марафон, можно играть в Counter-Strike, можно смотреть по кабельному, как тринадцатилетние дети прыгают с десятиметровой вышки. Так можно протянуть лет семьдесят? Надеюсь, в следующей жизни я буду стерилизованным холённым котом, который будет презрительно смотреть на того, кого угораздило родиться человеком, самым замороченным и вредным существом на планете. Что в этой жизни сложнее всего? Прыжок со стойки на руках с десятиметровой вышки. Видно, я слишком часто смотрю днём спортивные каналы. На самом деле, сложно просто быть. Всё время хочется кем-то казаться. Кем-то, кто гораздо лучше того существа, что убивает часы, а не мерзость и лень в себе. Быть человеком – сомнительное удовольствие. Ты всё понимаешь, но ничего не можешь изменить. Про себя я могу сказать вот что: „Он похож на Прометея. Каждый раз обстоятельства едят его надежду, а утром у него отрастает новая. Ещё он обожает сизифов труд: строит и строит планы, которые никогда не воплощаются в жизнь“.

Мне кажется, люди придают себе слишком большое значение. Возможно, без них мир станет гораздо лучше. Как жалко, что я не увижу мир без людей. Я бы писал книги для себя

одного и не сомневался бы в том, что я – гений! А потом бы всё равно нашёл девушку и снова испоганил мир. Мне только дай шанс всё испортить!» – написал Платон и резко закрыл ноутбук.

Он взял первую попавшуюся книгу, это оказался Камю. Он раскрыл её и ткнул пальцем на фразу: «Человек – единственное существо на планете, которое отказывается быть самим собой». Платон посмотрел в окно-иллюминатор – за ним было мутное невзрачное речное дно. Его комната напоминала каюту. Когда-то он любил одиночество, в местах скопления людей он чувствовал себя «белой вороной»: он казался себе ненормальным в присутствии других, ведь его рост был под два метра, ему постоянно приходилось опускать голову, а ещё его совершенно не интересовало то, о чём говорили вокруг. Каждый раз ему хотелось биться головой о стол, когда приходилось кого-то выслушивать дольше одной минуты. И вот его мечта об уединении сбылась. Самым безопасным местом на земле в двухсотом году двадцать первого века оказалось село Ильёвка в Волгоградской области. Никаких цунами, извержений вулканов, ураганов, пожаров. Уровень воды здесь поднялся лишь на несколько метров. Когда Платон понял, что больше не может оставаться в Лос-Анджелесе, идея вернуться в место, из которого он с огромными усилиями выбрался и старался не вспоминать, показалась ему даже немного романтичной и «писательской». Когда-то Платон хотел, чтобы людей стало гораздо меньше. Каждый

человек раздражал его свой «нормальностью». И вот его желания воплощались в реальность. Всё больше мест на Земле становились непригодны для жизни. Бедные умирали, богатые переселялись на речное дно. Температура рядом с рекой всегда ниже на пять градусов, а в «жилых подводных лодках» никогда не станешь жертвой наводнения. Платон вспомнил, что в своём первом романе писал: «В молодости кажется, что все твои мечты – это твоё будущее». И сейчас его главная мечта, остаться одному на планете, была не так далека от реальности.

Его мысли прервал стук, раздавшийся сверху, словно гром. Он понял, что больше не один, его одиночество нагло прервали.

– Плат, ты здесь?

Платон нехотя забрался на лестницу, набросив капюшон оранжевого худи, и открыл трюм. Солнечный свет казался ему жутким раздражителем. Ему потребовалось секунд десять, чтобы привыкнуть к нему.

– Тёпа?

Он увидел парня примерно своего роста, комплекции, возраста. Даже черты лица у них были схожи – правильные. Но цвет волос у Платона был темнее.

– Что ты здесь делаешь?

– Ты заказывал у меня еду последние три месяца, решил в этот раз проведать тебя: а то вдруг ты оплатил, помер, а я зря дрон сюда посылаю, продукты перевожу.

– Очень мило с твоей стороны. Ты – первый человек за полгода, с которым я общаюсь лично. Последним был мой издатель. Он тоже решил проверить, не помер ли я, не поставил ли программу, отправляющую ему рукописи и сообщения. Всё ждёт-не дождется, когда ему авторские права перейдут.

– Что сказать, фиг кому ты нужен.

Платон не успел опомниться, как гость проник в его «пещеру». Артём положил пакет с едой на стол и достал из него пиво и пачку чипсов.

– С тебя три пятьсот.

– То есть ты доставил, а потом сразу схомячил мои чипсы, взял пиво?

– Ты же угощаешь. Там ещё осетинские пироги. Сколько лет мы не виделись?

– Лет десять.

– Круто тут у тебя. Подводная библиотека.

Книги были расставлены по полу высокими стопками. Серия про Джеймса Бонда напоминала скалы. Чак Паланик был похож на Пизанскую башню. Собрание сочинений Достоевского выглядело наиболее устойчивым. Артём взял Лао Цзы в шикарном переплёте.

– Так ты сейчас занимаешься доставкой еды? – поинтересовался Платон, – Вроде у тебя был блог, тысяч двадцать подписчиков. Пляжный бездельник. Ты там плавал летом, а зимой катался на коньках. Ещё твоя собака каталась на вод-

ных лыжах.

– Это для души. Блогинг давно не приносит доходов. Я всегда работал. Вернее, пытался. Столько собеседований всяких проходил!

Он сел за стол, который больше напоминал гладильную доску. В глазах Платона он выглядел обезьяной, которая внезапно проникла в его квартиру и вот-вот всё перевернёт вверх дном. «С каким бы приматом я его сравнил? Шимпанзе? Нет, мелковаты, а он здоровый такой. Гориллы? Нет, Слишком большие, да и по цвету темные очень. Орангутанг? Пожалуй. Они же могут там курить, ложкой есть, самые умные создания после людей. Может быть, он и есть орангутанг, просто никто не присматривался», – злорадствовал Платон.

– Да, я слышал твой пассаж про собеседования, Тёпа. Там всё время спрашивают: «В чём смысл вашей жизни?»

– Я обычно отвечаю: «Хочу танцевать в пижаме под Боба Марли до конца дней своих».

– И почему ты три года был безработным? Странно. Ещё на собеседованиях часто предлагают чай или кофе.

– Я обычно отвечаю: «Лучше сразу уксусу, потому что ваша работа хрень собачья. Лучше крепостных сразу зовите!» Блин, ты реально смотрел тот выпуск, Плат!

– Из нескольких миллионов просмотров десять точно мои. Мне понравилось про то, что на собеседованиях часто спрашивают, верующий ли ты?

– Обычно я отвечаю: «На всяких случай, мало ли, ну а вдруг». Блин, это ты даже в книге использовал.

– Да, я использовал твой образ. Хочешь получить дивиденды?

– Да на здоровье! Мне не жалко. Мы же были друзьями. Пока ты не решил, что я слишком тупой, чтобы дружить с голосом целого поколения.

– Блин, ты снимал видюхи, где ел мыльные пузыри и сразу их отрывал.

– Они набирали по миллиону просмотров. И знаешь, я столько шампуня наглотался ради хайпа!

– Ты жрал макароны из бумаги.

– Это весело. А ты писал про глобальное потепление, как о женщине, которую хахаль бросил с ребёнком, а она теперь хочет устроить ад на земле всем мужикам.

– Это раннее. Давно это было.

– Ещё ты сравнивал людей с видами мусора. Биоотходы – это вегетарианцы... Пластик... напомни.

– Клиенты МакДональдса.

– А твердые отходы? Принтеры, люминесцентные лампы, компы.

– Это качки и их спортивное питание. А ты снимал видео, где обматывался фольгой и говорил таким противным голосом, что у меня уши вяли. Ещё ты заказывал всякую хрень на китайских сайтах, вроде тренажера от второго подбородка, который скрипел как качели. Ты пытался смыть лампоч-

ку в унитаз. Сантехник всё время с удовольствием приезжал на твои вызовы.

– Ладно, ладно, я был дебилом. Я давно уже не снимаю подобное. Только покатушки Тимьяна и Розмарина на лыжах.

– Ты назвал сына и пса в честь любимых съедобных трав?

– Ага.

– Твоей дочери повезло больше. Её ты назвал в честь жены. Как, кстати, поживает Бетина?

– Помню, смотрели твоё интервью, она сказала: «Каким был Плат мудаком, таким и остался». Приходи к нам в гости! Думаю, она будет рада тебя видеть. Расскажешь ей про то, как она тянула бы тебя вниз. В результате, мы с ней тянемся вниз вместе, и норм получается.

– Тебе тридцать три года, а такое ощущение, будто до сих пор в десятом классе.

– Тебе столько же лет. А такое ощущение, будто ты обработал мозг в приложении, и в голове тебе все сто.

– Брейк, брейк. Раз уж ты – гость, могу предложить поиграть в приставку. У меня есть «Аладдин». Помнишь, в детстве играли? Ты был Джафаром, а я Аладдином.

– Ладно. Сегодня я готов поиграть за обезьянку. Абу. Надеюсь, у тебя новейшая версия?

– Обижает. Та, что ещё даже не вышла. Предзаказ.

Они прошли к большому экрану и взяли пульты золотистого цвета. Платону показалось, будто он вернулся на двадцать лет назад, и Тёпу отпустили к нему поиграть до обеда.

Его охватил приступ ностальгии: Платон вспомнил, как они когда-то соревновались, кто первый забросит арбуз в баскетбольное кольцо. Но главная задача игры была в том, чтобы поймать арбуз до падения. Иногда им удавалось это сделать, а иногда они устраивали пир для ос. Каждый раз им приходилось час поливать асфальтовую дорожку перед гаражом, чтобы избавиться от осинового нашествия.

– Осиного? – удивился Тёпа, когда он ему напомнил об их любимой детской игре, – Звучит так, словно на асфальте вырастали осины.

– Я помню, ты всегда путался и говорил осиновая талия и осиный кол.

– Но у ос тоже может быть кол, а у осины вполне себе талия.

– Резонно. Осы с кольями. Звучит как ужасик.

– Нет, вот ты писал в местную газету статью про команду гребцов, и назвал её «Гребущие в затоне», вот это звучит как ужасик.

Минут пять они повторяли фразу «Гребущие в затоне» и заливались от хохота. Платон вспомнил, что любил наблюдать за тренировками байдарочников в затоне. И он подумал о том, что они с Тёпой вместо тем для разговора воссоздают картины их прошлого. «Как странно, когда встречаешь людей, которых знал в детстве, первым делом говоришь о прошлом, а настоящее затрагиваешь лишь вскользь. Будто просто необходимо припомнить всё, чем мы занимались до того,

как борода начала расти. А потом, перебрав все общие воспоминания, такие раз и понимаете, что больше вам и поговорить не о чем. Кто дружит с теми, с кем учился в школе?! Это прошлый век. Сейчас есть друзья по спортзалу, друзья по разным барам, друзья по разным соцсетям, друзья-собачники, друзья по супермаркету, друзья-соседи, друзья-коллеги, друзья по занятиям оригами, друзья-попутчики, а вот те друзья, с кем играл в детстве – это что-то вымирающее», – думал Платон, нажимая кнопки на пульте. Джинн из волшебной лампы успешно прошёл первый уровень.

Когда незванный гость ушёл, Платон включил гигантский монитор и нажал на значок приложения «Имитация». Монотонный голос с акцентом робота произнёс:

– Здравствуй, Платон! Чьи сообщения ты сегодня хочешь прослушать?

– Тимур Зулфугаров.

– Чью личность ты выберешь?

– Тимур Зулфугаров.

– Какое место ты выберешь?

– Квартира Тимура Зулфугарова. Японская стенка.

На экране поэтапно начало появляться мужское лицо. Большие губы, массивный нос, карие раскосые глаза, широкие скулы, родинка на правой щеке. Это лицо представляло собой удивительную смесь армянской и казахской национальностей. Парень сидел на плетённом диване на фоне

японской стенки. Его руки были открыты, можно было разглядеть татуировки: змеи переплетались с хвостом дракона. Парень был худощавый и совсем неспортивный. Возникло ощущение, что его может сдуть при сильном порыве ветра. Он улыбнулся, слегка пошевелив уголками губ.

– Когда-то мне казалось, что всё, что я делаю, значительно. Я считал себя чуть ли не центром Вселенной. Так, наверное, все о себе думают, когда молоды. А потом я понял, что никому не нужен, кроме себя. Всем от меня нужна только выгода. Деньги, популярность, успех, желание приобщиться к этому успеху. Все хотели видеть устойчивый образ меня – образ, к которому они привыкли. Им было плевать на то, что творится внутри меня, им был нужен я, у которого всё хорошо, который не раздражает, который не пьёт, не потребляет, или который пьёт и потребляет, когда им тоже нужно повеселиться. Им была нужна только картинка меня, а не я сам. Я сам становился какой-то имитацией себя. Потому что настоящий я никого не интересовал. Настоящий я постоянно рефлексировал, был недоволен, пытался найти смысл хоть в чём-то, пытался создать хоть что-то великое, пытался стать кем-то значительным. Что скрывать, я сам себе не нравился, чтобы заинтересовать других. Да и зачем?! Мы всё равно исчезаем. Создать нечто на века, а веков в запасе больше ведь нет. Раньше люди беззаботно относились к собственной смерти, потому что знали: их дети будут жить так же из года в год. А теперь мы не уверены ни в чём. Даже в том, что лю-

ди будут через пятьдесят или сто лет. Мы словно пытаемся ходить по воде, не веря в то, что на это способны.

– Тимур, ты меня понимаешь.

– Надеюсь, братиш, тебе удастся сымитировать лучшую жизнь. Потому что у меня ничего не получилось.

Парень на экране коснулся указательным пальцем виска и резко направил его на Платона. Платон сделал то же самое. Когда-то это было их секретным движением, оно означало «ну, ты всё понимаешь, друг». Также оно в зависимости контекста означало «пока», «находящийся рядом с нами – иди от какой-то», «я тебя обожаю», «да иди ты», «круто», «стоит сходить в тир».

Когда он увидел субмарину Артёма, подумал о том, что давно забыл, как выглядит бедность, и вот удалось вспомнить. «Как они могут тут жить? Он же вроде талантливый, что-то умеет, не урод, у него, наверное, есть какие-то амбиции, а это похоже на хлев. Ржавая посуда. И вроде его это даже не напрягает. И почему его всегда всё устраивает?! Вот я всё время недоволен! Мне всегда нужно больше и больше, лучше и лучше. Меня прям разъедает изнутри от собственного несовершенства и несовершенства своей жизни. А он выглядит так, будто стал королём мира».

– И ты никогда не думал, что вроде достоин лучшего?

– Ну, знаешь, эта планета тоже вроде достойна лучшего. Жизнь – несправедливая штука. И, может быть, у нас разные

понятия о лучшем.

Они с трудом могли развернуться в проходе. Появилась Бетина – рыжая девушка с множеством веснушек на бледном лице. Она предосудительно посмотрела на Платона.

– Уже начал принижать моего мужа?

– И не думал. Просто удивился, что вас устраивает здесь жить.

– Не то что бы устраивает, но и других вариантов нет. Тёпа собирал эту лодку из нескольких других. У нас тут режиссёр окочурился неподалёку, его субмарина так никому и не досталась, вся его родня погибла. Мародёры успели испортить его жилище, но кое- что нам всё-таки досталось. Так уж это не самая плохая субмарина, что ты мог увидеть. Кстати, не похоже, что ты с подарками! Ты ходишь в гости с пустыми руками? Хотя бы антибиотики ленточкой перевязал, что ли!

– Здесь ничего не меняется! Приятно вернуться в родные места, а тут все по-прежнему. Бетина-душка!

Она показала ему фак. Со стороны мизирной кухни раздался детский голос:

– Mam, стейки готовы!

– Это какой-то навороченный гриль, напоминающий тостер. Как раз был в субмарине Любовски, – пояснил Артём.

Они прошли за маленький стол, напоминающий по форме гладильную доску. На длинном диване цвета баклажан сидели мальчик и девочка. Они были погодками, одиннадцать

и десять лет, но мальчик уже на две головы обогнал младшую сестру в росте. «Будет очень высоким, будет искать обувь сорок шестого размера», – отметил Платон. Волкособ Розмарин растелился на полу возле хозяина. Это была огромная животина грязно-белого цвета с будто вымазанной сажей мордой. Пёс гипнотизировал фантастической красотой и источаемой опасностью. Платон одновременно и восхищался животным и боялся его. У него возникло сильное желание и потискать пса, и запереться со страха в ванной.

– И он с детьми живёт?

– Мужик один подсунул щенка, сказал, что немецкая овчарка, а выросла вот такая образина, не выгонять же. И он охраняет хорошо.

– Иногда кажется, что он любит Розмарина больше, чем нас, – возмутилась Бетина, раскладывая стейки по тарелкам.

– Ты такая злая, что его можно понять.

– Молчи, а то плюну в следующее блюдо.

– Я тише воды ниже травы.

– А почему у тебя нет собаки? Ты же один всё время в своей лодке. Можешь забрать Розмарина.

– У него явно есть хозяин. У меня был пёс. Корги. Джойс. Он умер полгода назад. Глупо совершенно. Я не успел его вовремя отвезти к ветеринару. Чудо был пёс! Другого не хочу. И я в приложении «Имитация» часто его включаю. Типа я пою, а он подвывает, ещё команды выполняет.

– Приложение создал же твой друг. Все просто помеша-

лись на этой «Имитации». Людям и так всё меньше нужно общение и другие люди, а с этим приложением они общаются с покойниками, чаще всего, – произнесла Бетина и продолжила жевать.

– Не все же такие старообрядцы, как ты, Бетина. Прогресс достиг и человеческих отношений.

– Да, вон твой друг покончил с собой из-за прогресса.

– Он не покончил с собой.

– Да, он просто не уехал из зоны бедствия, прекрасно зная, что умрёт. Хотя у него была такая возможность. Некоторые гибнут, потому что у них нет денег для спасения, а он просто суицидник.

– Не будь ты бабой, я бы тебе по морде надавал, честное слово.

– Может, вы прекратите?! Могу я нормально поесть в собственном доме?! Дорогая, и давай мы не будем говорить про его бывшую, потому что она тоже мертва.

– Про неё можно, – успокоил их Платон и попробовал салат с убойной порцией майонеза, – Она ушла к миллиардеру. В общем, фиг с ней.

– То есть с ней ты не разговариваешь в «Имитации»?

– Нет, Бетина. У меня ещё есть модели родителей, чтобы общаться. Для бывшей не хватает времени.

Все ненадолго замолчали. «Всегда говорить то, что думаешь – это, конечно, скверно. Таких людей следовало бы выставлять на площади, как коммивояжеров. Хотите услышать

что-то обидное, вызывающее и вполне возможно правдивое, хотите испортить себе настроение? Подходите к человеку, который не умеет держать язык за зубами!» – злился Платон, отрезая очередной кусок стейка. Он поймал себя на мысли, что представил на месте стейка голову Бетины.

– А это правда, что вы создали Гай Гая? – разрядил обстановку Тимьян.

– Не совсем. Мой друг-суицидник создал эту голограмму актёра с идеальным английским выговором. Я всего лишь придумал ему имя, ну и его первую роль написал.

– Круто! Мы обожаем Гая Гая. А почему Гай Гай?

– Парень Гай. Ну, в честь режиссёра одного английского – Гая Ричи. Люблю старые фильмы.

– Гай Гай – секси! – воскликнула девочка.

– Милая, он же ненастоящий, – сказала Бетина.

– Да какая разница?! Даже если бы он был настоящим, у неё не было бы никаких шансов!

Бетина-младшая ударила брата вилкой по голове.

– Мне кажется, самое время смотреть старые фотки! – объявил Артём.

«Вторая стадия встреч с друзьями детства – просмотр бумажных фотографий. Ведь только детские фотки распечатывают! Потому что, не дай Боже, вдруг все компы мира сломаются, все соцсети заблокируются, и тогда останутся они – бумажные носители. Все должны знать, как ты выглядел, когда пешком под стол ходил»

Артём притащил большую коробку от обуви. «Сразу видно, от его ласт коробочка», – отметил Платон, у которого размер ноги был не на много меньше.

– Это мы на соревнованиях по боксу, – объявил Артём.

– Ты всегда выигрывал. И где же твой хваленный хук теперь?

– А вот на следующей фотке, где ты с фингалом. Это мы в школе на новогоднем утреннике.

– Фингал подошёл под костюм пирата.

«Не люблю я вспоминать себя в том возрасте, когда мало соображал. Это всё равно, что вспоминать себя тогда, когда ты был неудачником или просто слабым. Не знаю, для меня люди моложе тридцати – это неполноценные личности. Они, конечно, забавные, все такие уверенные в собственной исключительности, в том, что весь мир у их ног, но потом становятся какими-то разочарованными и смирившимися. Разочарованные мне нравятся больше воодушевлённых. Думаю, в них меньше глупости. А вот смотрю на этих мальчиков на фотках и читаю на их лицах, как мамочки простёрли перед ними безграничные перспективы, вручили им мир на ладошке, набили их рты овсянкой. Самая большая проблема этих мальчиков на данный момент – получить гаджет под ёлку. Экзистенциальный кризис им не знаком. Артёму, правда, он до сих пор не знаком. Однако его ждёт кризис среднего возраста, или какой ещё кризис. А вот детям кризисы не знакомы. Детям плевать на неприятности. Они всё

принимают как должное. Они как щенки, которые к чему приучены – то для них и хорошо. Дети любят привычки. И что острее всего почувствовали – то после откладывается на всю жизнь в подкорке их мозга. Первые эмоции определяют человека. У меня появилась привычка чувствовать так, а не иначе. Интересно, какие мои первые эмоции были самыми сильными? Вроде я тогда что-то прочитал. Кажется, это был „Маленький принц“. Мне очень понравилось, как звучала фамилия Экзюпери. Да у него даже имя классное! Антуан. Мне захотелось написать что-то настолько же прекрасное, как имя этого писателя. А выходили какие-то стихи про козявки».

Платон смотрел на красивую блондинистую девушку на экране. Она снисходительно улыбалась и методично постукивала по столу длинными ногтями цвета «фуксия». Всё в ней было отталкивающе безупречно: «подправленные» черты лица, длинные локоны, худые, но прокаченные руки, макияж, идеальные брови. «Почему-то „подправленные“ девушки все выглядят одинаково, будто с конвейера сошли. Они обезличенные, что ли. Похожи на собачек от одного заводчика», – размышлял Платон. Она говорила слегка писклявым голосом:

– В тебе нет ничего нормального. Когда я пытаюсь поговорить с тобой, ты словно отключаешься и терпишь общение со мной. Ты смотришь корейские фильмы с субтитра-

ми, слушаешь французских певцов, которые поют так, словно в этот момент испытывают оргазм, ты читаешь античных философов, потому что считаешь, что все остальные мотиваторы просто переделывали их труды «на современный лад». Ты пишешь странные книги, которые никто не в состоянии прочесть, все только делают вид, что поняли смысл. И тебе не до кого и не до чего нет дела: только до твоих книг, где главные герои такие же психи, как и ты, они ведут себя неестественно. Ты – очень странный, и все твои персонажи тоже. У нас нет ничего общего, кроме того, что мы оба люди. Хотя иногда ты похож на растение, которому иногда печатать. Не знаю, есть ли хоть у кого-нибудь с тобой что-нибудь общее. Сначала это даже казалось мне забавным. Но со временем это начинает дико раздражать. Нужно всё время во что-то вникать, следить за тем, чтобы ничто тебе не мешало. Все носятся с тобой как с писаной торбой. Будто если ты не выпьешь нужный чай, съешь не тот сорт яблок, сядешь не у окна, наступит конец света. А я даже не понимаю, а что ты такого создал такого особенного! По твоим книгам не снимают фильмы, потому что экранизировать подобный бред невозможно, тебя не показывают по телеку, тебя практически никто не знает в лицо. Да, ты получил какую-то престижную премию, и за это все тебя носят на руках и рукоплещут, покупают твои книги, хотя и не читают их. Твои книги аморальны, отвратительны, скандальны, но совершенно заумны. Только ты можешь скандальное сделать совершен-

но неинтересным. С тобой никуда невозможно было пойти, потому что везде ты начинал с кем-то спорить и что-то доказывать, а остальных считал просто тупыми. Для меня ты больше чудик, чем гений. Человек, которого вечно что-то не устраивает. Не тот цвет штор, не то освещение, не то время, не то слово! А ты не тот человек, с которым можно строить хоть какие-то отношения!

– Вот стерва! – воскликнул он.

– Не выражайся, Платон Афонин!

– Теперь я могу выражаться сколько угодно, потому что тебя больше нет в моей жизни, да и на этом свете тоже.

– И я счастлива, что умерла: теперь меня не раздражает твой непонятный успех! И теперь меня никто не спрашивает, а какой Платон Афонин на самом деле? Теперь мне не нужно смущенно улыбаться и говорить о тебе хоть что-то хорошее, дабы не попасть в неловкую ситуацию. Хотела бы я говорить каждому, что ты напыщенный пижон!

– Пижон? Да ты и слово это произнесла потому, что ты в приложении, а не на самом деле. В обычной жизни ты удовольствовалась бы сравнениями с козлом, хотя даже не знаешь, как он выглядит. К твоему сведению, пижоны склонны к показухе, демонстрации внешних достоинств, а я к показухе когнитивной. Слово «когнитивный» ты знаешь, потому что подсмотрела в словаре и употребляла по десять раз на дню. Помню, ты называла когнитивным диссонансом бурчание в животе. А я больше сноб, чем пижон. Или копток-

МИСТ.

– Ты это слово только что придумал?

– Нет, любитель употреблять редкие слова. Коптокмия.

– Бла, бла.

– Я просто запоминаю нужные слова.

– Выпендрёжник!

– Это всегда было твоим единственным аргументом. Пока, дорогуша! Думаю, Дьявол всё-таки не носит Prada, а ты там разгуливаешь в хлопчатобумажных выстиранных сарафанах и тапочках из полиэстера.

Платон произнёс:

– Ух, прям полегчало! Будто перезагрузился. Всегда любил ругаться с этой стервой!»

На экране появилась женщина лет шестидесяти. Она была очень просто одета, на её волосах просматривалась седина, морщины вокруг глаз напоминали заживающие царапины. Она неловко теребила браслет на руке.

– Я никогда не понимала тебя, сынок. У тебя всегда были грандиозные планы. А всё, что я могла для тебя сделать – накормить, одеть, обуть, дать элементарное образование. Я никогда не подходила на роль твоей матери. Ты сам никогда не мог с собой справиться и совладать, куда уж мне. Я никогда не понимала того, чем ты занимаешься. Я просто хотела, чтобы ты был счастлив. Но ты никогда не был счастливым, что бы я ни делала. Тебе всегда было мало. Ты всегда

хотел больше. И даже получив то, о чём ты долго мечтал, ты не стал выглядеть счастливее. Пока тебя не признавали, ты к чему-то стремился, а потом ты перестал видеть смысл в чём бы то ни было. Иногда мне казалось, что страдания – это твоё нормальное состояние. Иногда мне казалось, что ты не мой сын, настолько ты не похож на нас, настолько ты отдалялся от всех, настолько я не играла никакой роли в твоей жизни. Ты всегда был сам по себе. Ты никогда не нуждался в моей любви и признании.

– И я тебя люблю, мам.

– Я не договорила. Всегда ты меня перебиваешь, сынок! Да, мать нельзя дослушать до конца, она же ничего путного не посоветует! Можно слушать кого угодно, хоть Джона Леннона, но не мать родную! Мнение какого-нибудь Сенеки тебе куда важнее, чем мнение матери. Я на последнем месте в твоём рейтинге людей, которых стоит воспринимать всерьёз и слушать.

– Это не так, мам!

– Рассказывай это, Платон Сергеевич, кому-нибудь другому! Я знаю тебя как облупленного. И не нужно закатывать глаза, когда с матерью разговариваешь!

– Раз тебя повидать, мам.

Затем на экране появилась его собака. Он давал ей команды, и она выполняла их. Корги реагировал на его голос и изображал щенячью преданность. Вскоре к Джойсу присоединился Тимур. Он присел на газоне рядом с собакой, по-

трепал её за ухом.

– Почему ты убил себя? – спросил Платон, вовсе не ожидая получить ответ, но у приложения всегда были варианты.

– Я не убивал себя. Просто у меня была возможность не продолжать. Я предпочёл не прилагать усилий. Почему я обязан сохранять себе жизнь, когда теперь столько шансов умереть? Что ты любишь больше всего, Плат?

– Вымышленные миры. Иногда мне кажется, что только они отличают людей от животных. Люди способны создавать вымышленные истории, даже сопереживать им. Трудно представить собаку, которая плачет, посмотрев «Хатико» или «Болто». Собаке плевать на выдуманных персонажей или на тех, кто мертвы. А люди живут по несколько часов в других историях – не своей жизни.

– Но «Хатико» и «Болто» основаны же на реальных событиях.

– Они приукрашены, оформлены так, чтобы людям захотелось сопереживать несколько часов. Художественный замысел, на который способны только люди. Как бы ни были популярны истории, основанные на реальных событиях, это всего лишь легенды, которые необходимы людям. И в вымышленных историях всё интереснее, драматичнее, там опущена бытовая рутина, или она длится несколько предложений. Там можно жить каждый день, как последний. У тебя, Тимур, был твой последний день. У меня же он длится и длится. Неделями, месяцами, годами. Не знаю, сколько я

тут протяну ещё.

– Дай себе шанс, братан!

– Шанс для чего? Для того чтобы всё испортить?

Чувство голода вернуло Платона к реальности. Иногда ему казалось, что еда – единственное, что ещё связывает его с миром. Иначе бы он полностью погрузился в свои мысли и прошлое. Платон понял, что Тёпа задерживается с доставкой. «Пунктуальность – не главная фишка контрабандистов», – подумал он.

– Набрать Тёпу, – произнёс Платон в циферблат часов.

– Соединение. Распознаю ближайшее считывающее устройство.

Ответила Бетина. Она появилась на экране на фоне своей кухни.

– Привет! А где твой благоверный? И где моя еда?

– Он оставил часы дома.

– Зачем? У него же скоро рассылка?!

– Чтобы я не мешала ему рыбачить. Он, кстати, недалеко от тебя. В затопленной лесополосе. Можешь сгонять до него.

– Доставка «Забери своё добро сам».

Платон нехотя вылез на свежий воздух. Было невыносимо душно: ветер гонял горячий воздух; даже находясь на воде, Платон почувствовал, как пыль начала оседать на его щеках. «Разве такое возможно?» – подумал он и решил, что теперь возможно всё. Он быстрее залез в водород, напоминающий мыльный пузырь, закрыл прозрачную крышу, и направился

в затопленную лесополосу. Уже через десять минут он нашёл Артёма. Тот лежал на небольшом деревянном острове, вокруг него разлетались дроны с пакетами продуктов. Птицы сопровождали некоторые агрегаты, принимая их за непонятных пернатых. Навороченная удочка бесполезно лежала на ограждении из камыша. Компанию Артёму составлял местный алкоголик, который когда-то учился на два класса старше их. Он задарма помогал фасовать пакеты. Платон с интересом отметил, что у Витька вместо удочки была обычная палка с намотанной леской, а в ведре у него было больше рыбы, чем у Артёма.

– Двадцать третий век на дворе, а ты рыбачишь на палку с леской?!

– А зачем тратить на все эти прибабасы, когда рыба тупая. У неё память то три секунды. Наживка и всего делов!

– Местный философ! – воскликнул Артём, – Тебе, Плат, нужно записывать немного за ним, как Платон за Сократом.

– Сократ отказывался формулировать свои мысли на письме. А может, он просто не умел писать? Никто не задумался? Или у него, может, была дислексия какая-нибудь, – принялся разглагольствовать Витёк, сделав глоток из фляги.

Он предложил отхлебнуть Платону.

– Что это?

– Настойка моя. На дубовой коре.

– От неё уже двое померли, – проинформировал Артём.

– Но ты же живой остался!

– У меня просто уже иммунитет к твоим зельям.

– Пожалуй, я откажусь.

– Как знаешь, – с обидой сказал Витёк и спрятал флягу в карман.

– Как тебя занесло к нам?

– Ты задерживал доставку уже на три часа. Я есть хотел. Бетина сказала, что ты здесь.

– Да, когда ты – единственный доставщик в районе, это расслабляет. К тому же, ты – один из последних в списке, как друг. Друзья могут и подождать.

– Да, зря я пустил тебя в свою субмарину. Не видать теперь еды вовремя.

– Держи!

Он кинул ему бутылку пива.

– Нетерпеливый ты, Плат! – сказал Витёк, – Порыбачь, это научит тебя гармонии с миром.

– И что? Это действительно интересно? Сидеть с палкой с леской?

– Это как ожидать благословения небес. Знака. Вот леска начинает болтаться, и ты готов что-то предпринимать ради будущего.

– Я смотрю, ты уже изрядно напился. Ладно, а у вас есть ещё удочка?

– Тебе нормальную или палку с леской? – спросил Артём и показал ему рюкзак для удочек, который напоминал сумку гольфиста.

– Давай последнюю модель!

И вот уже три мужика сидят среди затопленных деревьев с удочками в руках. Ещё никогда Платон не чувствовал себя так глупо. Они даже перестали разговаривать, а просто смотрели на леску и слушали карканье полчища ворон. Потом Платон слушал шуршание листьев, плескание воды, сопение Витька. Вскоре ему показалось, что он услышал, как капля пота ползёт по лбу. Такого количества звуков он не различал очень давно. В основном, только в авторском кино. Или в своём детстве, когда ему хотелось выпить всё, как губка. Но вот спустя полчаса поплавок зашевелился. Платон насторожился.

– И что делать дальше?

– Тяни на себя! – в один голос скомандовали Артём с Витьком.

На ключке болталась рыба. Казалось, что она беспомощно бьётся в судорогах, но уже ничего не может поделать: её судьба была решена, но она не могла с ней смириться. «Да она тупая! – подумал Платон, – Вряд ли она сейчас переживает о том, что её зажарят на сковородке». Это была довольная большая рыба. Платон даже не знал её названия, но он был счастлив. Он почувствовал себя добытчиком, первобытным охотником, хозяином жизни, королём мира, сильным и опасным. Впервые за долгое время он испытал хоть какие-то эмоции. Он думал, что забыл, как это – проявлять эмоции. «Я думал, что эмоции давно умерли. А они как были, так и есть

до сих пор, просто крепко спали», – удивился Платон. Ему хотелось расцеловать свой трофей, потом засушить и поставить на полку, как напоминание об этом моменте: моменте, когда он ощущал себя таким всемогущим, ловким, счастливым.

– А что это за рыба?

– Щука, Плат, щука. Полтора кило, не меньше, – сообщил Артём.

– Везучий хрен! Всю жизнь тебе прёт, – раздосадованно сказал Витёк и закурил самокрутку.

– Местная конопля?

– Она самая. Будешь?

– А сколько людей от твоих косяков умерло?

– Пока нисколько.

Платон услышал, как поплавок снова упал в воду. Он откусил шоколадку и подумал: «А не так плохо жить, как иногда кажется».

Каждый день Платон состязался с Артёмом в плавании и каждый раз проигрывал. Каждый день он надеялся, что вот сегодня обойдёт его, но снова финишировал вторым. Он понимал, что данных и сноровки у него меньше, но упрямо пытался победить. Спортивный азарт заставлял его выходить из своей «пещеры», хоть чем-то заниматься. Платон словно дремал десяток лет, а теперь стал активнее, чем когда-либо. Обычно он думал по сотни раз на дню, как ему скучно,

но в последнее время ловил себя на мысли, что ему стало интереснее жить, хотя ничего особенного и не происходило. Он словно пробуждался после длительной спячки. Он практически прекратил писать книгу, потому что уже не видел в ней смысла. Он стал реже заходить в «Имитацию».

Обычно Платон завидовал успешным людям, тем, кто много зарабатывали, путешествовали, покупали дорогие вещи. Но сейчас он завидовал Артёму, жалкому неудачнику из захолустья. Он понимал, что меркнет на его фоне даже в глазах того же Витька. Была в нём, как это называл Платон, некая консервативная мужская энергия. Это выражалось в жестах, в голосе, в манере одеваться, даже в манере молчать. Ему нравилось чувствовать свою физическую силу, осознавать свою способность справиться с любыми трудностями, даже с глобальными изменениями климата. Он всегда чувствовал себя комфортно, он всегда вёл себя естественно, он был открыт к общению, он всегда был на своём месте. Всякий испытывал к нему хотя бы минимальное уважение. Он был, что говорится, славный парень. Складывалось впечатление, что он всегда знает, что нужно делать. И было в нём что-то дикое, необузданное, первобытное. Была в нём частичка мужского эго, незатронутая цивилизацией. Иногда он напоминал здоровое беззаботное животное – хищника из семейства кошачьих, которому или лень, или он охотится, или он играет. Платону он напоминал старинную картину, излучающую атмосферу чего-то незыблемого, не выходяще-

го из моды, долговечного.

И его поражало, как к нему относится Бетина. Она сама напоминала дикую кошку, но когда дело касалось её благоверного, она была готова отстаивать его интересы до последнего. Он был главным авторитетом в её мире. И не потому, что мужчина в её представлении Бог, а потому, что она реально признавала в нём превосходство. Было заметно, что она им восхищается, что она его обожает. Платон ещё никогда не видел столь сильной привязанности женщины к мужчине. Они были женаты лет с двадцати, за всё время их брака она словно ни разу в нём не усомнилась. Она словно не задумывалась, а мог ли быть на его месте кто-то другой. И это раздражало Платона, потому что на месте Артёма когда-то очень давно был он. Бетина была уверена в своём мужчине. Её словно не беспокоило, что, возможно, она потеряла кого-то более успешного и состоятельного. Не до каких упущенных возможностей ей не было дела. Она словно была безоговорочно счастлива, живя на ржавой посудине с мужчиной, которого сложно назвать идеалом. Инфантильный, ленивый, небогатый, своенравный, небезупречный, но для неё совершенно непререкаемый человек. Платон видел, что у Артёма всё под контролем. Он был королём своей жизни. «Король своей жизни – король мира, никак иначе. А я умею делать воображаемые заметки в своей голове и откладывать их в дальние отсеки памяти. Или мне просто так кажется. И кто круче?» – мысленно сделал очередную заметку Пла-

тон.

Во время очередной рыбалки Виталик неожиданно спросил у Артёма:

– А тебя не раздражает, что с нами всё время крутится бывший твоей жены?

Платон опустил солнечные очки и настороженно посмотрел на рыбака-философа.

– Ты переживаешь, что я отберу твоё место у кормушки? Не бойсь, я тут чисто из интереса и от скуки. Денег мне хватает.

– Ничего личного. Просто меня бы это раздражало.

Артём приподнялся на раскладном стуле цвета хаки.

– Ему наплевать на Бетину. Ведь кто в двадцать третьем веке женится на школьных подружках?! Он, как бы это сказать, давно её перерос, или просто так думает. Не тот уровень. Она – отработанный материал.

– А, ну тогда ладно, – заключил Витёк и закурил очередную самокрутку.

– Вас послушать, так я засранец столичный.

– Так и есть.

– К твоему сведению, Витёк, я предпочитал Европу. Я вообще много где был.

– А я как-то никуда не выезжал. Как говорил Сократ, куда бы ты ни поехал, ты возьмёшь с собой себя. А я – дебил. С дебилом ездить в путешествия не комильфо.

Платон и Артём засмеялись. Рядом в ведре рыба плюхнула хвостом и Платону в глаза попали капли воды.

– Диоген, где твоя бочка?

Витёк толкнул к нему бочонок с пивом.

– А ты вот целыми днями сидишь в «Имитации», вспоминаешь всё хорошее и плохое. Живёшь прошлым. Скажи, а зачем так копать в себе и своём прошлом? Так и спятить недолго.

– А будущего больше нет, если подумать. Зачем о нём думать? Прошлое знакомо и не туманно.

– Как это нет?! – заговорил Артём, – Будущее есть. Ты же не умрешь сегодня. Даже если тебе осталось несколько часов, будущее есть. Даже если несколько минут. Ты еще здесь. Ты ещё человек. Значит, у тебя есть ещё хоть какое-то время. Время не нужно убивать. Его нужно использовать. И вообще лично мне апокалипсис на пользу. Я, наконец, нормально зарабатывать стал, перестал бездельничать, даже пить почти бросил. Я почувствовал себя нужным, в кои-то веки, когда люди перестали завышать свои требования и позволили быть свободным от всяких собеседований, тестов, продуктивности.

– Бла бла бла, нужно использовать каждую секунду жизни. Какой ты старомодный, Тёпа!

– Сказал человек, который любит работать с текстами, хотя все любят гифки, картинки, видюшки. Никто не хочет читать, когда есть более интересные способы воспринимать ин-

формацию. И уж тем более всё меньше тех, кто хотят, как ты, писать длиннющие тексты без намёка на изображение. Бумажные носители, работа со словом – это что-то такое старое. Так уж это ты – древняя древность.

– Вполне возможно, что все мы – пережиток прошлого, – изрёк Платон.

– Напомни, почему ты дружил в школе с этим ботаником?

– Витёк, да посмотри на Тёпу и на меня! Мы были самыми высокими мальчиками в школе. Нам было трудно друг друга не заметить.

– И нас на боксе всё время ставили в спарринг.

– И ты всё время выигрывал. Тренер использовал меня, как твою любимую грушу.

– Ничего, мозги ж из тебя не выбил. Целёхоньки. А я зато КМСом стал. Может, поработаем для разнообразия?

– Да, пора за твоим товаром.

Волкособ открыл глаза и положил морду хозяину на колени. Это животное выглядело так внушительно, что казалось, оно не способно подчиняться. Но Розмарин в присутствии хозяина только вилял хвостом, бегал за палкой и всеми силами изображал щенячью преданность. В эти моменты Платон представлял, что дружит с Маугли или Джоном Сноу, а с не парнем, который жил через дорогу и был его вечным спарринг-партнёром.

На экране Платон увидел мальчика лет девяти. Длинные

ресницы оттеняли огромные карие глаза. Отросшие волосы практически полностью закрывали лоб, мешали мальчику смотреть. Он то и дело убирал их ладонью с лица. Его руки были непропорционально длинные. Он казался немного неуклюжим и долговязым.

– Когда я вырасту, – произнёс мальчик, – буду таким сильным, что смогу в одиночку спасти всю планету. Я смогу удержать на плечах тяжесть всего мира. Когда я вырасту, у меня будет так много денег, что я смогу купить себе остров, до которого смогут добраться только те, кто мне нравятся. Я смогу купить себе целую страну, в которую можно будет въезжать только мне. Я куплю все кроссовки на свете своего размера. Когда я вырасту, создам что-нибудь настолько значительное, что все, завидев меня, будут падать от восторга. Я совершу что-нибудь такое, что каждый человек на Земле будет знать о моём существовании. Когда я вырасту, стану бессмертным. Меня сможет убить только скука, но и с ней я справлюсь. Когда я вырасту, весь мир поместится на моей ладони!

– Дурак ты, мальчик! – перебил его Платон, – И когда ты вырастешь, таким же идиотом и останешься. Однажды ты поймёшь, что умрёшь, это открытие так поразит тебя, что ты будешь рыдать три ночи. Однажды ты поймёшь, что не настолько хорош, как ты думаешь, и это открытие настолько поразит тебя, что ты решишь покрасить волосы в синий. Когда ты вырастешь, уже никому не будет по силам спасти пла-

нету. Когда ты вырастешь, ты поймёшь, что большинство твоих замыслов никогда не претворятся в жизнь. Когда ты вырастешь, ты осознаешь, что часто бессилён против своей же лени, своего эго, своих недостатков. Когда ты вырастешь, твоим главным талантом, как и у большинства людей, будет умение всё портить. Ты будешь счастлив только мгновениями. Ты будешь хорош лишь время от времени. Ты будешь только человеком, а не супергероем. Ты не будешь избранным, ты будешь всего лишь самим собой. И ты не всегда будешь себе нравиться. Но ты ко всему привыкнешь, потому что и выбора особого у тебя не будет. Возможно, ты даже неплохо будешь справляться.

Мальчик на экране в недоумении открыл рот, а потом прикрыл его рукой. Затем он схватил футбольный мяч и исчез.

Платон вспомнил о своём отце. В детстве он казался ему каким-то высшим существом, чуть ли не Богом. В их маленьком мире он и был Богом. Из его пожеланий складывался распорядок дня всей семьи. Все искали его расположения. Он был физически сильный, красивый, забавный, каждый день с ним был похож на удивительное приключение. Он был капитаном триптиха, на котором возили туристов по местам сражений Великой Отечественной войны. Он был одним из немногих, кто мог на одном транспорте подниматься в небо, ходить по воде и ездить по земле. Тогда триптих был редкостью, сложно было получить права на вождение.

Но его отец смог. И как он гордился тем, что водит эту машину. Он был прекрасен в своём умении бахвалиться, рисовать, производить впечатление. Он был непревзойденный мастер по части «не быть, а казаться». Вскоре он начал пить и не смог водить триптих «Ахиллес», продал его другому парню. На вырученные деньги пил и снимал женщин. Платон отлично помнил, как его божество на его глазах превращался в ничтожество. С каждым днём отец становился всё меньше и меньше и, в конце концов, совсем исчез. Из его жизни. Платон считал, что его отец упустил все возможности в мире, всё потерял и всё уничтожил. Он вспоминал, как его отец любил брехать по поводу и без повода, и ему становилось больно от осознания того, что главный авторитет его жизни оказался так никчёмен. Это было похоже на свержение идола. И от этого падения кумира в его сердце долго была пустота. Платон сожалел, удивлялся, пытался понять. Но потом не осталось к этому человеку ничего, кроме презрения и безразличия. Его удивляло, как можно не испытывать никаких чувств к собственному отцу, как можно постепенно забывать того, кто привёл тебя на этот свет? Он вспоминал, как смотрел с ним фильмы про собак-убийц, про собак, в которые переселялись человеческие души, про собак-поводырей, как слушал с ним шансон, как тот подбрасывал его в воде с фантастической силой, что Платон боялся, как бы ни улететь в небо. Он помнил всё это, но сам человек изглаживался из его памяти. Он становился в его глазах незначи-

тельным. Он словно отдался всё дальше и дальше, оставляя только детские воспоминания.

Утро Платон любил больше остальных частей суток. Утром он точно знал, что должен выпить кофе, сходить в туалет, прочитав что-нибудь. Чашка кофе словно заставляла его начинать каждый день снова и снова. Если бы он точно не знал, что его ждёт кофе, он бы и не поднимался с постели. Кофе для него стало единственной причиной дальше жить. Но ощутив горьковатый вкус на губах, Платон понимал, что на этом день не закончен. Нужно было делать что-то ещё. Он заставлял себя чувствовать важность каждого ежедневного ритуала, пытался быть деятельным, но через час ему снова становилось скучно. У него крутился в голове один и тот же вопрос: «Зачем?» Он искренне не понимал, зачем он должен терпеть каждый божий день. Жизнь его раздражала, словно противный скрип, зубная боль, виснувший Интернет. «И почему все так за неё цепляются? – недоумевал он, – Это же сплошной дискомфорт! Это какой-то мазохизм! Все, кого ты любишь, умирают, если не умираешь ты. Сейчас такое время, что от тебя уходят очень быстро. Или они за тысячи километров, или им на тебя наплевать, или они мертвы. Другого не дано. И всё время возникают какие-то проблемы, которые нужно обязательно решить. Если же у тебя нет никаких проблем, то это тоже проблема, потому что тогда ты себя чувствуешь каким-то неполноценным или бесчувственным.

У всех должны быть проблемы, и ты ничем не хуже. Ещё ты обязан испытывать радость, всё для этого делать, иначе ты какой-то кретин получаешься. Ты обязан сохранять свою никчемную жизнь, даже если она тебе в тягость. Ты должен испытывать хотя бы какие-нибудь эмоции, а то ты какой-то зомби получаешься. Ты должен изображать, что тебя хотя бы что-то волнует, изображать энтузиазм хотя бы в чём-то, иначе ты какая-то медуза получаешься. А мне просто наплевать на то, кем я кажусь, что обо мне думают, что от меня ждут, поэтому я какой-то чудик получаюсь. Но я так оградил себя от окружающих, что этого мне удаётся не ощущать. Никто теперь не в состоянии совать свои грязные руки в мою чистую душу. Но в одиночестве понемногу сходишь с ума. А ведь когда-то мне так нравилось разговаривать с людьми, доказывать им свою правоту. Я был раскрыт будто книга, и мне нравилось, когда кто-то пытался меня прочесть. Когда-то мне было что-то интересно. А что стало теперь? Я не интересен даже самому себе. Я словно в прошлом, а в настоящем меня не существует. Я просто доживаю. Просто жду своего поезда отсюда».

Платон по привычке включил телевизор. Он увидел двух улыбающихся ведущих утреннего шоу. Они были в яркой одежде, настроены на поднятие настроения у всех зрителей.

– Что за оптимистичные твари! – ехидно произнёс Платон, наливая вторую чашку кофе, на кофейной пенке было изображен земной шар, проткнутый ручкой, обложка его

первой книги.

Он подтянул пижамные штаны шотландской расцветки и поднялся на свежий воздух. Солнце ненадолго ослепило его: давно Платон не вылезал из своей берлоги по утрам. «Моя депрессия напоминает взлёты и падения. То мне очень хреново, то эйфория захватывает. Она то добра, то устраивает взбучки. Я бы сказал, она напоминает деспота-мужа, от которого исходит опасность, но ещё и бесконечные извинения. Моя депрессия в каком-то хроническом беспорядке. Думаю, я её приручил. Или это иллюзия? И почему я говорю о депрессии, как о чём-то материальном? Будто у неё есть физическое обличье! Или это просто хандра? Не знаю, думать бывает вредно, но не могу же я себе перекрыть кран в головушке или устроить экзистенциальную диету? Плохие мысли уходят, плохие мысли уходят. Я счастлив. Я абсолютно счастлив. Я – очень везучий человек. С этого момента мне везёт. Ничто не важно. Я ничему не придаю такого значения, чтобы о чём-то переживать. Мы все умрём, но ничего страшного. Я абсолютно спокоен. Тьфу! Что за банальщину я думаю!»»

II

Хотя уже начался октябрь, Артём появился в шортах, сандалиях и майке. Он словно только что приехал с курорта. Он был похож на туриста, который не переоделся в самолёте и вернулся в родной умеренно континентальный в одежде с тайского рынка.

– А я думал, не включить ли сегодня отопление?! И тебе норм? – удивился Платон.

– Так осень затяжная в этом году. Я плаваю до сих пор.

– Мне холодно просто это слышать.

Артём положил на стол пакеты с едой и достал из холодильника банку пива. Иногда хозяину просто хотелось двинуть ему по морде за подобную бесцеремонность. Он всегда чувствовал себя здесь как дома. «Он везде как дома», – вспомнил Платон и раздражение пропало. Он начинал понемногу привыкать к расхлябанности и наглости Артёма. «Я попросту перестаю обращать внимание. Странно, но люди, которые предпочитают просто хватать то, что им нужно, без лишних церемоний, это и получают. Ведь те, кто не способны брать всё без спроса, предпочитают молчать, когда вот такие экспонаты вторгаются в их жизнь и не обозначают границы».

По телевизору показывали новости. За репортажем о пожарах в Сибири последовал репортаж о побеге заключенных

из женской колонии по время наводнения в Ленинске.

– Представляешь, они в нашем лесу. Кто-то оплатил им еду, так они слямзили мой квадрокоптер.

– Вот шлюшки!

– Придётся ехать забирать! Хочешь прокатиться на триптихе?

Платон поперхнулся сыром соломкой. Ему пришлось выпить полстакана воды, чтобы кашель прекратился. Потом он изобразил недоуменное выражение лица.

– Ты в порядке?

– Норм. То есть ты собрался ехать к уголовницам вызволять свой дрон? Ты в своём уме? Мало ли что там с этими одичавшими бабами случилось. Может, они тебя решат принести в жертву или просто пустят по кругу.

Они захохотали.

– Тогда ты точно должен со мной поехать!

– Ни за что! Проше купить тебе новый дрон.

– Вот всегда ты так! Этот квадрокоптер прошёл со мной огонь, воду и медные трубы. Он должен вернуться на родину!

«Какой старомодный! Привязывается к дрону! Сейчас всё можно заменить на лучшее. А он сентиментальный, да не по отношению к людям, а по отношению к технике. Будто сродняется с этими пластмассовыми штучками. Прямо как мой дед! Это из провинциалов ничем не выбить! Что-то вроде суеверия: старое проверенное лучше неизведанного, да

и деньжата лишний раз тратить они не любят».

– Людей мало, и ты решил привязываться к вещам?

– Вещи сейчас принято экономить. И что нам, двум здоровым мужикам, сделает свора баб? К тому же, у меня есть оружие.

– Я смотрю, ты прям богатый парень! И триптих, и оружие, и антибиотики у него есть!

– Что сказать, апокалипсис – моя вторая жизнь.

– Однако ты живёшь на ржавой посудине и жрёшь мои продукты.

– Я экономный. И нельзя злить горожан своими цацками. Полгорода должны мне денег. Они все меня терпеть не могут, потому что считают, я должен всё давать им бесплатно.

– А я думал, что ты – всеобщий любимец.

– Это было до того, как я прикрыл кредит половине городе. Ну, так что, ты едешь?

– Тебя же не отговорить?

– Отстаивать свои права – святая обязанность каждого мужчины! Нельзя просто так спускать беглянкам кражу моего имущества. Иначе они совсем оборзуют.

– Или просто сдохнут с голоду, если ты им перестанешь продукты передавать.

– Я не настолько жесток. А вот зубы им пересчитать стоит.

Артём звучно откусил крекер. Хруст немного напугал хозяина: Платон не сразу понял, что возможно так громко хрумтеть печеньками. Это напомнило ему скорее взрыв пе-

тард. Он попробовал надкусить крекер ещё громче, но его попытка была больше похожа на шелестение полиэтиленовыми пакетами или комканье бумаги.

– Кстати, у меня сюрприз.

– Тёпа, мне уже страшно.

Гость выбрался из субмарины и вернулся через пару минут. У него в руках был чёрный котёнок. От его жалобного мяуканья у Платона мгновенно защемило в сердце. Он с возмущением подумал: «Почему он так нагло решает за меня, что мне делать, как проводить время, на что тратить деньги?! Что самое удивительное, почему я позволяю ему это?! Почему не пошлю его на все четыре стороны?! Да, да, нужно же с кем-то общаться. Как говорится, в двадцать третьем веке друзей не выбирают, кто остался, тот и остался. Тимур был моим лучшим другом, с ним у нас реально были общие интересы, он понимал всё, что я говорил и писал. Теперь его нет, а я зависаю с парнем, который назвал сына Тимьяном и притащил блохастого кота в мой дом».

– Что это?

– Я нашёл его на дереве. Он так орал, что я не мог не обратиться на него внимания. У меня Розмарин, не могу себе взять. А у тебя в колонке на сайте журнала я прочёл ту хрень про чашку кофе по утрам. Пусть этого кота будут звать Эспрессо. Тебе будет кого кормить. У меня, кстати, есть отличный кошачий унитаз. Отдам почти даром.

– В общем, тебе перепала партия кошачьих унитазов, и ты

решил приволочь мне черныша.

– Примерно так. Но вот тебе и маленький смысл продолжать день. Хорошо ж я придумал?

– И про себя не забыл. Я был собачником.

– Когда? В прошлом веке? Теперь ты кошатник. Люди меняются.

Артём сунул котёнка прямо ему в руки. Вышвырнуть пушистый комочек на улицу уже было бы совершенно бесчеловечно. Платон подумал: «Ладно, фиг с ним!»

– Сейчас установим унитаз и двинемся в путь.

– Ты ещё и за установку с меня сдерёшь?

– Копейки, ты же поможешь. Работа руками, кстати, идёт на пользу, а то совсем у тебя шарик за ролики заедут.

Невесть откуда возник набор инструментов. Платон вспомнил, что последний раз он прикасался к гаечному ключу в детстве, когда чинил триптих с отцом. Никогда он не чувствовал себя настолько живым. Тогда он впервые и в последний раз чувствовал себя полезным. Именно тогда его раширало от значительности того, что он делает. Больше никогда он не испытывал ничего подобного, даже когда проиносил речь на вручении премии. Это всё было сумбурно, неосяземо, абстрактно, а осознание своей силы не приходило. Но теперь Артём вернул ему это давно забытое чувство. Они несколько часов возились с кошачьим унитазом, и за это время Платон ни разу не вспомнил о том, что у него депресия, впервые за долгое время ему не было скучно, он был

чем-то занят. И эта возня казалась ему куда более важной, чем то, что он сочинял в последнее время. «Ты можешь сочинить всё что угодно, но ты никогда не сравнишься с парнем, который может сам починить машину. И ты никогда не будешь полезнее парня, который может заставить что-то снова работать. Он, словно волшебник, оживляет почившие автомобили, унитазы, эмоции. И почему эти люди могут во всём разобраться? Да, они ни фига не видят отличий между метафизикой и диалектикой, но, блин, они морально чувствуют себя куда лучше, чем те, кто вдаются в подробности. А рядом со мной вся техника начинает вести себя непредсказуемо, или я просто тот ещё юзер. Да, в экстренных ситуациях выбрали бы точно его, а не меня, какой бы я ни был творец».

Когда триптих с воды начал подниматься в небо, Платон будто снова превратился в девятилетнего мальчика, которого отец удосужился пустить в кабину. Краснеющие и желтеющие деревья становились всё меньше и меньше, река становилась похожа на ручеек. Платон словно поднимался над миром, воспарил над реальностью. Он почувствовал себя зрителем в ложе. «Давно я не испытывал подобного восторга! Как же давно я не летал!» – подумал он. И Платон в очередной раз убедился, что лучший вид – вид с высоты, лучшее время – время в путешествии, пусть и непродолжительном. Он принялся снимать видео, понял, что впервые за долгое время выложит не тексты, а короткий полёт. Этот триптих

работал шумно, продувало кабину, но Платону это лишь ещё больше напоминало детство.

– Хочешь порулить? – спросил Артём, дымя электрическим кальяном.

– Серьёзно? Я прям сейчас расплачусь. Я не стоял за штурвалом лет двадцать.

Платон с серьёзным видом схватился за штурвал. Но не успел он и на минуту ощутить себя капитаном, как понял, что его надули.

– Ты на автопилот поставил, да?

– Может, ты жить не хочешь, но меня пока всё устраивает. Поэтому не фиг крутить баранку!

– Вот свинота!

– Я должен думать о детях, собаке, жене.

– Отчаянный парень Артём всегда ставит на автопилот, когда гости рвутся к штурвалу.

– Да, да.

– И как ты собираешься найти похитителей своего квадрокоптера?

– Вряд ли они ушли далеко от того места, куда я им отправлял еду. У них там пока база, а далеко от неё отходить нельзя.

Они прибыли на место через двадцать минут. Артём заглушил двигатель, закинул ружьё на спину и уселся на носу триптиха, словно на яхте. Платон последовал его примеру. Они словно выехали на пикник. Окружавшие их балки

и овраги вызвали у Платона некоторое любопытство. «Степная пустыня», – подумал Платон, разглядывая местные пейзажи. На вершине он увидел много деревьев лип. Он вспомнил вкус липового варенья, которое в детстве просто обожал. Он намазывал его на бананы и поглощал в диких количествах. Тогда он был готов питаться исключительно липовым вареньем и бананами, бабушке приходилось делать банановые блинчики, чтобы хоть как-то разнообразить его меню. У липового варенья был особенный вкус – редкий, терпкий, ни на что ни похожий, и Платону очень нравился его оранжевый цвет. Ему казалось, что еда оранжевого просто не может быть плохой. Платон явственно ощутит аромат липового варенья, очень насыщенный и сладкий. Потом он понял, что перепутал липовый мёд с облепиховым вареньем. «Липовый мёд золотистый, такого тёплого оттенка, а облепиховое варенье оранжевое такое. Это совершенно разные растения! Да, хоть я и родился в глуши, а такие вещи до сих пор не различаю», – почти с гордостью подумал Платон.

– Нужно будет Бетинке нарвать, она любит вареву из этой фигни, – сказал Артём, ковыряясь зубочисткой в зубах.

«И он путает сейчас, руку готов дать на отсечение! Нужно показать ему облепиху». Платон чувствовал, что за ними наблюдают. Ему показалось, что мурашки поползли по рукам не от прохлады, а от посторонних глаз. Он словно физически ощущал чужие взгляды. Вскоре он услышал шорох на полянке на берегу. Он смешался с плеском волн, но Пла-

тон его расслышал. Потом он услышал, как спустили курок. Он инстинктивно прикинул, куда лучше всего прыгнуть, если в них начнут стрелять. «Если прыгну в воду, поеду обратно весь мокрый, да и вода уже довольно холодная. Если прыгну к кабине, шибанусь обо что-нибудь, набью шишку или рассеку бровь. Умереть проще», – размышлял Платон. Он остался на своём месте. Суета его никогда не прельщала, он предпочитал

как те пассажиры «Титаника» в смокингах, попивать бренди и слушать музыку, когда все вокруг бегают и пытаются спастись. Лишние действия были ему чужды, потому что он был невероятно ленив. «Мне иногда лень даже шнурки завязывать, не что усердно спасать жизнь и „делать хоть что-то“. И у меня почти отсутствует инстинкт самосохранения, чтобы переживать о том, как кола смешивается со сладостями в моём желудке и превращается во внутриутробный фонтанчик».

– Мы с миром. Это я поставлял вам еду, – громко сказал Артём, теребя зубочистку пальцами.

– Что вам здесь надо?! – раздался женский голос.

Вскоре на берегу появилась высокая очень худая девушка, в руках она держала автомат. Каштановые волосы, подхваченные ветром, наполовину закрывали её лицо. Она босиком зашла в воду. За ней появились одна за другой ещё с десятков женщин разных возрастов. Все они были в каких-то

лохмотьях: кто в остатках тюремной формы, кто в одежде не по размеру. Он вспомнил репортаж о голодающих коро-вах в Индии, это была первая возникшая ассоциация – то-щие животные, бредущие по пляжу. «Дикие тёлочки, кото-рые рождены быть одомашненными. Как-то несуразно они смотрятся на свободе, бродяжничающие на берегу. У каждой тёлочки должен быть кров. Они должны уютно пастись на лу-гах и возвращаться домой. Нужно Менше смотреть каналы о животных! Один раз я начал сравнивать ультразвук, на ко-тором общаются дельфины, с голосом спам-звонков из бан-ка». Платон вспомнил, как давно не видел женщин вживую, если не считать Бетину. «Да, и жаль, что первые женщины за год, которых я встретил, выглядят именно так. Я привык смотреть только на красивые картинки, на голограмму Иды, которая всегда в „Имитации“ при полном параде. Блин, я за-был, что женщины могут выглядеть плохо», – расстроился Платон.

– Мой квадрокоптер не вернулся после полёта к вам. Он мне дорог, как память. Мой первый квадрокоптер, я очень сентиментален. Вот ищу его. Случайно не встречали? Оран-жевенький такой, с белыми полосками, – говорил Артём, держа ружьё на уровне живота.

– Ты припёрся сюда из-за какой-то пластмассовой фиго-вины?

– Говорю же, я к нему привязан. Если вы его по ошибке скоммуниздили, то советую вернуть. Потому что никто с ва-

ми больше связываться не будет, и вы будете собирать ягоды, ловить рыбу руками, и ни грамма шоколада по акции. Никакого чая, кофе, чипсов.

Главная «амазонка» пальнула из автомата. Платон от неожиданности чуть не подпрыгнул. У него зазвенело в ушах. Через секунду он услышал, как что-то упало в воду. Это оказалась утка. «Вот даёт дылда!»

– Это было эффектно! – вслух восхитился Платон.

– Плыви за ней, красавчик! – обратилась она к Артёму.

– Да не вопрос!

Он скинул футболку и сандалии и прыгнул в воду. Платон решил сойти на берег по выдвижному трапу. Артём подобрал утку и бросил её прямо к ногам дылды.

– Да расслабьтесь! Я сидела за кражу денег с карточек. А твой дрон улетел на миссию. Вернётся часа через полтора. Так уж, парни, придётся вам зависнуть здесь.

– Я знаю его! – указала на Платона коренастая казашка.

– Пересекались на поддельных сайтах женских шмоток?

– Неа. Я ж в библиотеке работала. Я видела его физиономию на корешке. Толстая такая книженция. Там что-то про то, как мусор выбрасывает людей где попало. Стаканчики из МакДоналдса выбрасывали толстяков, овощи вегетарианцев тощих, а спортивное питание качков. Такая муть, но забавно было читать!

– Ааа. Афонин, что ли? Я читала отрывок на странице какой-то чокнутой феминистки.

– Тёпа, что-то мне это всё не нравится, – прошептал Платон, – Лучше бы они нас просто прикончили.

– Не ссы, Плат. Сейчас организуем тебе встречу с читателями. Ты когда-нибудь в колонии выступал?

– Нет.

– И не благодари!

Дылда протянула Артёму руку.

– Меня зовут Ксанка, красавчик.

– Артём.

– А красавчика номер два?

– Платон.

– Это псевдоним, что ли?

– Нет, в честь того, кто всегда записывал за Сократом, называли. Философа.

Платону показалось, что он попал в племя к аборигенам. Вокруг костра валялись какие-то тряпки, пустые банки от тушёнки, обглоданные собачьи кости. В другой стороне он увидел много разобранных картонных коробок – спальных мест. Он изо всех сил изображал отсутствие удивления и брезгливости. Артём накинул на голову полотенце, напомнив Платону девочку Алёнушку с шоколадки или монахиню в платке с вырезом для лица. Он еле сдержал смехок.

– Это апостольник?

– Что?

– Предмет одежды православной монахини.

– Неверующий, а про какой-то апостольник знает. Я просто не хочу заболеть. Бетинка начнёт тогда со мной возиться как с писаной торбой и не пустит на рыбалку.

Ксанка протянула им две консервные банки с каким-то горячим напитком.

– Чай с липой. Не боитесь, не отравитесь.

– Я тебе доверяю, мать. А то останешься здесь с собачатиной до весны, – произнёс Артём, отпивая из «кружки».

– А, это, страшная история, конечно, вышла.

– А ну, Плат любит всякие истории, поведай.

– Эти дикие оголодалые псины набросились на Татку, когда она искала место для толчка.

– Какой ужас! И что с ней?

– Похоронили вчера.

– Что-то вы не очень расстроены, – удивился Артём.

– Да она была та ещё тварь! И сидела за убийство, – вмешалась в диалог Лизка, казашка, – Я застрелила тех псин, приготовила из них наподобие плова. Ульянка когда узнала, начала кричать про то, что в этих псинах остатки Татки, что-то про каннибализм. А ночью взяла и утопилась.

– Что-то вы не очень расстроены, – повторил Артём, поправляя полотенце на голове.

– Да она та ещё шизофреничка была! Кто топится в конце октября, холодно же? И как говорится, избавились от слабых звеньев.

– Лизку ничем не удивишь, – подтвердила Ксанка, шурша

фантиком от конфеты.

– Это чёрный юмор такой? – решил Платон, что они шутят.

Лица Ксанки и Лизки оставались непроницаемыми.

– Тебе могилы показать?

– Похоже, что вы не шутите.

Они захохотали.

– Смотри, купился! – указала на него пальцем Ксанка.

– Ага. Не бойсь, это не те собаки, а другие. Это мы над Ульянкой пошутили, а она поверила. Но фиг с ней, мы бы с ней по миру пошли, та ещё была истеричка.

– Вот теперь они говорят серьёзно, – подтвердил Артём.

Платон представил, как под кепкой его волосы наэлектризовались и встали дыбом.

«Куда я попал?!»

– Я, кстати, одно время притворялась ненормальной и попала в психушку в трехстах километрах отсюда, – похвасталась Лизка, – Так там персонал куда более психованный, чем сами пациенты. Их фельдшер насмотрелся на психов и у самого крыша поехала. Он решил, что его мать захватил демон и отрубил ей голову топором. Так потом он разгуливал по психушке с головой под мышкой и кричал: «Я спас её». За ним гонялись целый час. До сих пор не знают, он это сделал из-за того, что спятил, или ему показалось, что жить в психушке куда лучше, чем вкалывать фельдшером, да и с пенсиями теперь проблемы, и он так решил обеспечить

себе старость. Ты же писатель, может быть, тебе пригодится случай. Ты ведь любишь чернушку.

– Знаешь, тебе стоит заняться написанием рассказов, у тебя богатая биография.

– Так в этой психушке в отделе кадров работает баба, которая подсыпала мужу лекарства, чтобы запереть его в этом заведении, получить опеку и устроить потом личную жизнь с каким-то итальянцем. Что самое интересное, ей всё удалось. Я слышала, что её муж до сих пор взаперти, а она скоро увольняется и уезжает в Тоскану. Вот устроилась баба!

– И почему мы так не можем?! – удивилась Ксанка.

– И не говори! В общем, я решила, что там форменные психи и работают, и лечатся, снова стала нормальной и вернулась к девчонкам! И не пожалела. Ещё и такой случай сбегать подвернулся.

«И что творится в голове человека, который рассказывает такую ересь? Неудивительно, что ей поверили, когда она притворялась спятившей»

– Там была форменная паника, да? – поинтересовался Артём.

– Да. Сильнейший дождь лил два дня. Нас собирались перевести в другое место, но многие надзиратели бежали, бросили всё. Мы успели прихватить оружие и пустились в путь. Теперь кукуем здесь.

Оказалось, что Ксанка и Лиза были Интернет-воришками и биохакерами. Но сумма их краж достигла определённой

отметки, поэтому срок они получили не маленький. Другие две беглянки были режиссёрами пиратских записей. Одна играла в он-лайн казино на деньги компании. Платон удивился, как большинство их них хорошо разбирались в неопределённых технологиях. Он даже разрешил Ксанке переустановить операционную систему на своих часах.

– Хорошая модель, – с завистью отметила она.

– Да, последняя.

Она показала ему свои часы – из прошлого века. Они считывались только на устройства той же фирмы и даже не служили проектором в темноте. Среди деревьев показался оранжевый квадрокоптер с белыми полосками. Он доставил какую-то коробку.

– Братиш прислал детальки, чтобы прокачать мои часики. Тюнингом займусь, – сообщила Ксанка.

Артём побежал к своему дрону навстречу и начал с ним обниматься, словно с собакой. «Скоро будет очередное наводнение. Вряд ли беглянки переживут эту осень. Жалко их, забавные. А с другой стороны, всё к лучшему. Не хочу их жалеть. Они как дикие собаки, проку от них никакого, а шуму много. Зато умрут свободными!» – размышлял Платон.

– А ты тоже женат, как и твой брат? – поинтересовалась Лизка.

– Он – не мой брат.

– Странно. У вас лбы похожи, да и комплекция. Подумала, что брат.

Платон посмотрел, как Артём начал разбирать коробку. Он мысленно соединил две фотографии: отца и Артёма, затем он сравнил себя с ними. Вместе они были похожи на трёх Гулливеров в стране хоббитов. Он сопоставил факты и события за долю секунды. «Мы явно из одной партии товара, из одной коллекции. Почему я не догадался раньше? Мне даже мысли такой в голову не приходило. Почему это стало словно каким-то озарением?! Никаких догадок, предчувствий. Неужели я настолько глуп и слеп? Или просто мне было наплевать? Все всегда делали вид, что мы просто два парня с одной улицы. Он то точно в курсе! И ничего мне не сказал. Не удосужился. Ведёт себя как ни в чём не бывало. Или у него свои планы? Почему он пришёл в тот день ко мне? Изображал моего друга, хотя мы с ним так – как это называется, единокровные братья. Таким обычно просто наплевать друг на друга. Мы даже не обязаны друг с другом общаться, это не отец, которого не выбирают. Таких братьев и сёстер можно в глаза не видеть. Я вот знать не знаю последнего ребёнка отца. А этот залез мне в душу. Что ему от меня нужно?» У Платона началась безмолвная истерика. Миллионы слов в его голове начали сражение. Он представил, как протыкает Артёму ножом здоровенную ладонь. Он не понимал, почему злится на него, Платон мысленно прикидывал причины: «Он знает, но ничего мне не говорил? Он – сын моего отца, а я считал это только своей привилегией? Я в чём-то завидую ему, а он ещё и мой брат? Или он просто бесит меня

своей наглостью? Почему мне так хочется дать ему по морде?»

– Думаю, нам пора, Тёпа.

– Да, девочки, мы отчаливаем. Удачи!

Ксанка протянула Артёму деньги за продукты и список всего необходимого для жизни в лесу.

Всю обратную дорогу Платона мучил один вопрос: «Спросить?» Но каждый раз, когда он собирался озвучить одолевавшее его сомнение, он немел и отказывался от своей затеи. «Вдруг всё изменится? Вдруг я стану чем-то ему обязан, а он мне. Как же он на него похож! Его голос звучит практически так же прерывисто и низко. Эта вечная бравада, готовность справиться со всем чем угодно. Он даже штурвал держит на тот же манер. У них похожие глаза. Он куда больше его сын, чем я. Он похож на его продолжение, а не на какую-то ошибку природы, безродное создание, которое не способно найти себе место на этой планете. Он куда более цельный, чем я. Не похоже, что он рос безотцовщиной. В его характере есть хоть что-то, напоминающее предка, объясняющее его сущность, а не полнейший хаос и неопределённость. Он хоть как-то связан с этой землей. Можно сказать, что у него есть корни, а не пустота под ногами. И почему меня это так волнует? Будто произошло что-то действительно значительное. Я и так знал его всю сознательную жизнь. Может быть, появление кота даже куда более знаменательное событие, чем появление однородного брата». Ещё он

надеялся, что всё это вздор. Платон не любил ошибаться, но в этот раз он был готов признать себя параноиком. Он хотел, чтобы всё это оказалось плодом его больной фантазии. Он вспомнил, как сказал ему, когда им было по тринадцать: «Я хотел бы такого брата, как ты!» Артём тогда замаялся и пробурчал что-то вроде: «Можешь называть меня братом!», а Платон не воспринял фразу всерьёз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.